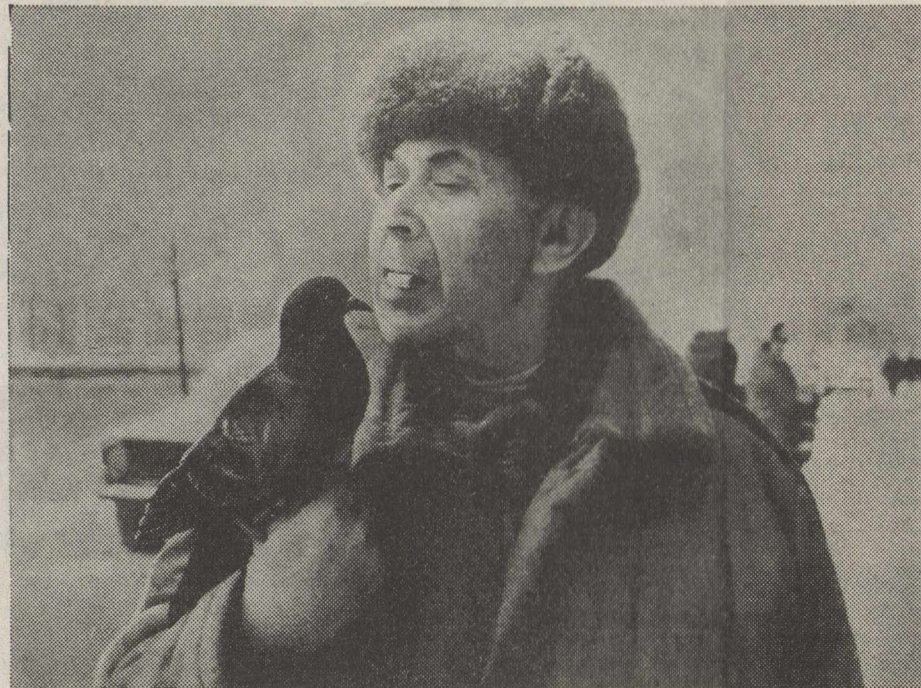

СПЕКТАКЛЬ ОДНОГО АКТЕРА И ПЕРНАТЫХ

Если болем морально ты
 Или болем физически
 Захандрил эпохально ты
 Или эйзодически
 Не ходи ты по гастикам
 Не плати им ни грошика
 Иди к Гоце, могощенский,
 Тебя вылетит, Гоценна!

Готлибу Михайловичу от Высоцкого
 в день его (Готлиба Михайловича)
 пятидесятилетия

Анон К

Мы живем в одном дворе. Уже много лет. Раскланиваемся при встречах. А если мне случается на неделе работать дома, в определенный час я выхожу на балкон и жду, когда Готлиб Михайлович возвратится из театра. Он входит через арку со своим большим потрепанным «бухгалтерским» портфелем и присаживается на скамейку у нашего подъезда. И тут же слетается к нему отряд пернатых нашего двора (чуют они его, что ли, или специально поджидают?). То, что происходит дальше, я называю «спек-

таклем одного актера и пернатых», в котором каждый из действующих лиц роль свою знает хорошо, но особое значение придает импровизации. Зрителей, как правило, почти нет, время сугубо деловое, обеденное. И кусочки хлеба, отработанными щелчками летящие в разных направлениях, становятся центром разыгрываемых мизансцен, из которых актер, сидящий на лавочке в обычном московском дворе, «собирает» своей увлекательный спектакль.

Однажды мы разговорились, и я убе-

дилась, что мой собеседник и замечательный актер Театра на Таганке Готлиб Михайлович Ронинсон к тому же и прекрасный рассказчик. В тот же день кое-что из нашей беседы я записала.

«Во время обеда сегодня позвонил Раниенсон — из миманса Большого театра (очень талантливый артист, первоначально показывал на последнем капустнике Мордвинова, а на предыдущем Небольсина) — сказал, что хочет поблагодарить Мих. Аф. за его отношение к себе. «Никогда... не думал, что такой боль-

шой человек может быть так прост. Никогда в жизни не забуду его отношения!» А Миша мне... рассказывал, что на следующий день после капустника Раниенсон подошел к нему и сказал: «Если Вам когда-нибудь понадобится друг, располагайте мной».

Это строки из дневника Елены Сергеевны Булгаковой. Там есть еще ряд записей, в которых говорится о Гоше Ронинсоне (фамилию Елена Сергеевна писала неправильно), как звали и до сих пор зовут его друзья.

— Я познакомился с Булгаковым в тот год, когда он работал консультантом ГАБТа. Готовилась постановка оперы «Иван Сусанин», либретто делал Сергей Городецкий, а консультировал Михаил Афанасьевич. Я же был всего лишь артистом миманса, и на одном из капустников, облачившись в женское платье, пел под Барсову, вытянув, как и она, вперед руки (а ручки у нее были очаровательные): «В полу-но-о-чной тишине...». И Булгаков, которого я обычно улыбающимся не видел, тут весело смеялся, хохотал рядом с ним Рубен Николаевич Симонов. Словом, успех я имел большой. И, слышу, Булгаков говорит Симонову: «Рубен, ты бы взял Гошу к себе...» А тот: «Да куда ты его предлагаешь, он же картавый!» Но Михаил Афанасьевич не унимался: «Он исправится, Ленин тоже был картавый». Вот так я попал в Вахтанговское училище. И с тех пор готов был для Михаила Афанасьевича сделать все, что только ему нужно. Как писателя в те годы я его еще не знал, только спустя время прочитал «Дни Турбиных» и был полностью захвачен этой пьесой.

Однажды Булгакову понадобилась копировальная бумага, ее вообще было трудно достать, и я ходил по разным учреждениям, как мог старался обаять машинисток, те ссужали меня копиркой, а я относил ее Михаилу Афанасьевичу домой, на Арбат.

Другой человек, сыгравший роль в моей артистической судьбе, был Михаил Чехов, племянник Антона Павловича Чехова, самый, пожалуй, гениальный актер в моей жизни. Комедии он играл так, что публика задыхалась от хохота, а на трагедиях рыдала и некоторых даже выносили из зала. Я учился тогда в школе, и учился плохо, но уже пел в детском хоре ГАБТа. И обычно с Пушкинской улицы через служебный вход ходил на спектакли Второго МХАТа, он располагался в здании, где ныне находится Центральный Детский театр. Слу-

жители меня пускали. А тут вдруг вышло по театру распоряжение, запрещающее детям посещать вечерние спектакли. Дело было зимой. Стою я перед служебным подъездом и плачу. Вдруг чувствую прикосновение меха к щеке. Смотрю — Чехов. Я как зарыдаю в голос: «Ой... Чехов!.. Ой... любимый!.. А меня не пускают!..». Он говорит: «Пойдем со мной». Привел меня в свою комнату, которую делил с очень хорошим актером — Чабановым, вызвал администратора и приказал: «Будете сажать его на мое место. Это будущий артист». С тех пор в театр я проходил беспрепятственно. А Чехов вскоре уехал...

Если болем морально ты
 Или болем физически...

Этот листок со стихотворением Высоцкого Ронинсон хранит свято и благоговейно, как и портрет Булгакова с дарственной надписью писателя. Долго уговаривала разрешить переснять эти стихи. Готлиб Михайлович колебался: «Кто вас, журналистов, знает, унесете, потеряете...» — и так и не решился расстаться с оригиналом. Пересняли фотокопию.

Шутливые и теплые, стихи Высоцкого, как всегда, точны. Написаны еще до того, как Ронинсон, к которому Высоцкий обратился в тяжелую минуту — умирала мать, — не растерялся и среди ночи мгновенно организовал реанимационную бригаду. Но то ли с легкой руки Высоцкого, то ли по какой еще причине, и сослуживцы по театру, и просто знакомые привыкли к тому, что «Гошенька поможет, спасет — и от головной боли, и от занкиания (говорят, он действительно обладает такими способностями), и от хандры и депрессии...»

А на похороны «милого Володи» Готлиб Михайлович не пошел, был в сильнейшей депрессии и видеть своего любимца в гробу не мог.

Ирина ТОСУНЯН